

В ИНТЕРЕСАХ «МИРА»: ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В XVII ВЕКЕ*

Аннотация: В данной статье речь пойдет о некоторых формах поведения представителей сельского общества на Юге России в XVII в. Мы не беремся описать все особенности поведенческих моделей местного населения в рамках одной статьи и дать исчерпывающее представление о структуре повседневной жизни сельского «мира» XVII в. Цель статьи —

показать примеры поведения представителей сельского общества, связанные с общинным началом, которое помогало им справляться с имеющимися трудностями и реализовывать свои жизненные ценности.

Ключевые слова: Юг России, сельское население, формы поведения, община, однодворцы

Географические рамки статьи связаны с регионом, который в XVII в. представлял собой южную окраину европейской части Российского государства. Эта территория вошла под контроль Москвы во второй половине XVI в., но условия, сложившиеся здесь, были слишком сложными. Интенсивное хозяйственное освоение целинных степных земель сопровождалось ожесточенными военными столкновениями с крымскими и ногайским татарами, считавшими продвижение русских на юг нарушением своих степных границ. Военные действия в этих местах происходили ежегодно и были связаны как с мелкими набегами татарских отрядов, больше напоминавших разбойничьи ватаги, так и с масштабными ударами крымской

армии под руководством ханских родственников, совершаемыми при поддержке турецкой пехоты и артиллерии¹.

Источниками нашей статьи послужили различные делопроизводственные материалы Разрядного приказа (фонд 210), сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов, а также документы Воронежской приказной избы, находящиеся в Государственном архиве Воронежской области (фонд И-182).

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 8-39-20001 мол_а_вед.

¹ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; Загорюцкий В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968; Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, 1995.

Поведенческие модели населения в XVII в. обычно изучались в рамках рассмотрения особенностей феномена «русского бунта»². Историки направляли свои усилия на анализ действий участников мятежей и волнений³. Кроме этого, народные представления о справедливости, власти и царе, религиозность русского массового сознания и «наивный монархизм» были в центре внимания таких исследователей, как К.В. Чистов, А.И. Клибанов, В.С. Румянцева⁴. Можно также отметить интересные работы о народной культуре и народном сознании населения

² Мауль В.Я. Русский бунт как актуальная проблема современной гуманитаристики: источники, методы и перспективы изучения // История: факты и символы. 2017. № 3. С. 28–34; Ляпин Д.А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб., 2018. С. 193–212; Khodorkovsky M. The Stepan Razin Uprising: Was It a “Peasant War”? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. no 42 (1). 1994. P. 1–19; Flier M. Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // Flier M., Rowland D. Medieval Russian Culture. Berkeley, 1994. P. 213–242.

³ Мауль В.Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVI–XVII веков. Томск, 2003; Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 142–183; Kivelson A.V. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // The American Historical Review. No 3. Vol. 98. 1993. P. 733–756; Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976; Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New York, 1969.

⁴ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. М., 1967; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: период феодализма. М., 1977; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986.

XVII в. Н.Н. Покровского, Ю.М. Лотмана, А.М. Панченко, Б.А. Успенского⁵.

Формы поведения низов русского общества в Смутное время были показаны М. Перри в книге о феномене самозванства⁶. Она выявила особенности восприятия фигуры царя и царской власти простым народом, а также общие представления «москвитов» о высшей власти и справедливом общественном порядке, усомнившись в объективности термина «наивный монархизм»⁷.

В. Кивельсон направила свои усилия на изучение особенностей поведения помещиков нескольких «замосковских» уездов (прежде всего, Суздальского) в контексте восприятия ими царской власти. Она показала тесную связь царя и местного «мира», назвав этот феномен «самодержавием в провинции»⁸. Это «самодержавие в провинции» было присуще и южной окраине, но здесь в условиях колонизации и постоянной войны существовали свои региональные особенности, в рамках которых формы поведения сельского общества, присущие, быть может, и иным регионам, проявились гораздо ярче.

Основной составляющей сельского «мира» на Юге России были мелкие помещики-однодворцы, совсем не имевшие

⁵ Покровский Н.Н. Мирская и монархическая традиции в истории русского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225–231; Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–166.

⁶ Perry M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge, 1995.

⁷ Idid. P. 55.

⁸ Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. Stanford, 1996.

крестьянские дворов или владевшие одним-двумя дворами. Необходимость выживать в трудных условиях заставляла их вести совместное общинное хозяйство и организовывать коллективную оборону во время нападений татар. Не имевшая официального юридического статуса, такая община была формой социальной организации, носившей вынужденный характер. Количество помещиков-однодворцев в середине XVII в. в регионе достигало около 80% от общего числа землевладельцев⁹.

Советский историк В.М. Важинский собрал и проанализировал огромное количество материалов, посвященных однодворцам. Он считал, что они составляли особую общину «сябров», которая сыграла главную роль в процессе хозяйственного освоения южной пограничной территории¹⁰. Эти выводы подтвердил и расширил американский историк Б. Девис¹¹. Он считал, что местные помещики жили «хуторами» — особыми коллективными хозяйствами, составлявшими «сельские коммуны»¹².

Община «сябров» или хуторское хозяйство, — все это было свидетельством развития общинного начала как естествен-

ного способа переселенцев на степную окраину приспособиться к новым опасным условиям. В качестве схожего примера развития общинного начала мы можем указать на донское казачество, которое также было сплоченным сообществом, не лишенным чувства коллективизма, вызванного трудностями жизни в степи¹³.

Община в южных уездах была необходима, прежде всего, в условиях освоения целинных земель, никогда не паханного до этого «дикого поля». Однако коллективные действия были не менее важны и во время нападения татар, которые начинались в апреле и длились до ноября. Зная об этой опасности, представители сельского «мира» укрепляли свои села и деревни, чтобы своевременно быть готовыми дать отпор врагу. Укрытие в ближайшем городе-крепости, длившееся несколько дней, отрывало людей от сельского труда и наносило урон общинному хозяйству.

Как правило, подходя к границам стационарного проживания русского населения, татарские отряды разбивались на небольшие группы, стремясь захватить пленных и скот, но избегая затяжных сражений¹⁴. Представители местного «мира» были готовы потерять несколько человек, но продолжить хозяйственные занятия без длительного перерыва, чтобы в конечном итоге собрать урожай, необходимый для жизни общины. На этой почве между общиной и местным воеводой происходи-

⁹ Ляпин Д.А. Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII в. // Российская история. 2015. № 5. С. 42–53.

¹⁰ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.

¹¹ Devies L.B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. New York, 2004.

¹² Idid. P. 118–119. См. также: Коршикова Е.А. Сельская община XVII века в работах русских историков середины XIX века // Filo Ariadne. 2018. № 4. URL: filoariadne.esrae.ru/14-245 (дата обращения: 03.01.2019).

¹³ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб., 2009. С. 96, 338–404.

¹⁴ Глазьев В.Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // Исторические записки. Вып. 10. 2006. С. 5–12.

ли частые конфликты. Так, в августе 1632 г. воевода Ливен жаловался в Москву, что его приказ срочно укрыться в крепости в связи с набегами татар сельскими жителями не исполняется: «уездные люди в осаду в город не едут, укрепили в селах и деревнях дворы во многих местах, за острожков место»¹⁵. Также и в соседней Лебедяни жители отвечали посланникам воеводы, что в осаду они не пойдут, «у нас есть свой острожек, а скажите воеводе, чтоб прислал нам сотни две нас здесь оберегать»¹⁶.

Сельское население южных уездов, уходящих далеко в степь, имело мало шансов отстоять свои деревни, и здесь многие местные жители предпочитали прятаться в лесах, где заводили специальные земли «на убог от татарской войны»¹⁷. Всем «миром» помещики и крестьяне ставили небольшие временные избы и прятали запасы, позволяющие прожить значительное время, возделывали небольшие огороды. Эти укрытия «на убог» служили защитой для всех жителей общины, хотя в писцовых книгах формально принадлежали одному или двум помещикам¹⁸.

Общинный характер носило также использование в хозяйственных целях промысловых угодий: «ухожаев», которые простирались на довольно большие расстояния и не имели четких границ. Объ-

единяясь в группы, жители сел и деревень ходили в степные «ухожаи» для добычи рыбы и зверя на небольших речках¹⁹. Иногда эти группы отправлялись еще дальше — на промыслы к донским казакам, где «кормились» охотой и рыбалкой²⁰.

Итак, сельский «мир» Юга России был достаточно сплоченным сообществом. Коллективная распашка земель, война с татарами, промысловая деятельность в степи — все это происходило общими усилиями, создавая единый коллектив, действующий в общих интересах. Но как далеко могли зайти границы этого общинного интереса? Сложные условия степного пограничья делали эти границы довольно расплывчатыми, и сельский «мир» мог совершать также коллективные действия преступного характера, заниматься грабежом или разбоем. На этой особенности поведения сельского общества мы остановимся подробнее.

Начнем с дела об убийстве двух крестьян в деревне Ситная Воронежского уезда летом 1638 г.²¹ 9 июня местные крестьянки, отправившись за водой, обнаружили на берегу реки Воронеж труп неизвестного человека. Они немедленно сообщили об этом в Воронеж воеводе М.А. Вельяминову, который прибыл на место и немедленно начал расследование. В конечном итоге следствие пока-

¹⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. С. 212.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Камараули Е.В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) // История: Факты и Символы. 2018. № 3 (16). С. 101–102.

¹⁸ Там же. С. 101.

¹⁹ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 92.

²⁰ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 82.

²¹ ГАВО. Ф. И. 182. Оп. 4. Д. 7. Л. 4–12. См. также: Ляпин Д.А. Расследование воеводой М.А. Вельяминовым дела о коллективном убийстве в 1638 г. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 75–78.

зало, что были убиты крестьяне, отец и сын, отправившиеся к казакам на Дон для покупки лошадей. К убийству оказались причастны почти все мужчины — жители деревни. Они пригласили своих гостей вечером на застолье, в разгар которого крестьянин и его сын были зарезаны, а их трупы брошены в реку. Раскрыть это дело удалось случайно. Когда началось следствие жители «признались», что убийство произошло на почве ревности: якобы их гость начал приставать к жене одного из помещиков, произошла драка и случайное убийство. Жители даже принялись оправдывать виновного, указывая на случившиеся как на справедливое возмездие. Однако слишком много улик свидетельствовало против этой версии, хотя жители упорно держались своих показаний. В последний момент случайный свидетель (времененно проживавший здесь мальчик пастух) помог воеводе раскрыть это преступление.

Поводом для убийства были деньги (70 рублей), которые проезжавшие крестьяне везли на Дон для покупки лошадей. Никто из виновных не был жестоко наказан, что объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, убит был крестьянин, работавший на земле частного лица и не представлявший для государства большого интереса, во-вторых, казнь виновных или членовредительство, как мера наказания, могли бы нанести серьезный урон обороноспособности деревни, ведь виновные были служилыми людьми²².

²² См. о наказаниях: Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. П. И. Прудовского ; науч. ред. А. Б. Каменский. М., 2016. С. 265–289.

Показательно также событие в Челнавском остроге Козловского уезда, хотя оно и отличается от обыкновенного разбойного убийства²³. Здесь местный «мир» был недоволен активностью отставного стрельца Тимофея Чубулова, который занимался ростовщичеством. Воспользовавшись волнениями в Козлове, где власть захватили мятежники под влиянием слухов о восстании в Москве 1–4 июня, в Челнавском остроге «мир» объявил о взятии власти. Это было сделано, вероятно, только для того, чтобы осудить Чубулова. Под звуки барабанного боя ему было предъявлено обвинение в том, что он причинил много убытков людям и «весь мир выел». Ростовщика признали виновным и казнили «всем миром». В ходе расследования этого дела все местные жители признались в совершенном и настаивали на его справедливости. В качестве наказания лишь несколько человек отсидели неделю в тюрьме.

В интересах «мира» совершались и преступления другого рода. В апреле 1678 г. в Воронежском уезде жители села Гремячье избили и ограбили проезжавших двух стрельцов²⁴. В ограблении участвовала только часть жителей села, во главе с местным помещиком Данилой Черным. Он рассказывал, что стрельцы когда-то избили его отца и призывал своих соседей рассматривать этот грабеж как справедливое возмездие. Попытка грабежа оказалась не очень успешной: стрельцам удалось отбиться и забраться на колокольню в местную церковь, где они принялись бить в колокол. Сбежались местные жители, но убедившись, что никакой

²³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Оп. 1. Д. 570. Л. 307–309.

²⁴ ГАВО. Ф. И. 182. Оп. 4. Д. 489. Л. 1–4.

большой беды не произошло, а их соседи всего лишь хотят избить и ограбить воронежских стрельцов, люди разошлись. Тогда стрельцы сдались грабителям. Они просидели связанные в чьей-то избе до утра, а потом их отпустили.

Данила Черный был вызван на допрос в Воронеж, где заявил, что стрельцы пришли к нему на гумно с воровскими целями и, испугавшись, убежали, но их не били и не связывали. Никто из жителей села случившегося не подтвердил, все упорно повторяли тоже самое. Какие-то свидетели, впрочем, сказали, что видели, как стрельцы бегут в село, взбираются на колокольню храма и звонят в колокол, но никто их не грабил. Вновь, как мы видим, местное общество проявило удивительное единство и сплоченность.

Другой пример — грабежи, которые устраивали жители деревни Малиновой Воронежского уезда²⁵. В этих грабежах участвовали не все представители «мира», но, конечно, все жители были в курсе происходящего. Около 10 мужчин ночью грабили проезжавших по Данковской дороге, проходившей возле их деревни (они прятались в гумнах с копьями и бердышами). Путников запугивали, отбирали вещи, а затем отпускали. При этом старались никого не бить и не калечить, награбленное делили между жителями деревни. Попались грабители случайно. Вышло, что один из жителей деревни потерял коня, о чем известил всех знакомых, включая и проживавших в соседнем селе Курино. Лошадь была обнаружена в местном овраге, и крестьяне Курино решили немедленно отвезти ее хозяину. Отправились поздним вечером в тот момент, ког-

да жители Малиновой промышленяли разбоем. Не узнав жителей соседнего села, разбойники начали свои обычные угрозы и требования. Завязалась потасовка, поднялся шум, на который сбежались жители обеих деревень. Разбойники вскоре были узнаны и доставлены к воеводе в Воронеж. Жители села Малинового, не причастные к грабежам, не препятствовали правосудию и даже подтвердили показания соседей из села Курино²⁶.

На Данковской дороге в Воронежском уезде занимались грабежом и жители деревни Погибельной Елецкого уезда²⁷. Всем «миром» они организовали разбойную группу, которая промышленяла в Воронежском уезде, подальше от своего села, в надежде, что разбойников в этих местах никто не знал. Во главе банды из 8 человек находились авторитетные деревенские помещики, братья Данила и Прон Чурсины. Как долго продолжались грабежи, сказать трудно, но однажды все они были узнаны елецким крестьянином, который поехал купить железо. Разбойники отняли у него все, что можно было унести: «мерин соврас, зипун да шубу, штаны, рубаху, портки, крест, сковороду, бердышы, топор, хомут ременной, телегу и 22 рубля». Однако в следующей же деревне, куда ограбленный крестьянин пришел нанять новых лошадей в долг, он увидел свои вещи и «узнал тех разбойников в лицо», все они были схвачены и сознались²⁸.

В феврале 1677 г. воронежец Потап Кучин опознал свою шапку («вершок синий сермяжной ветхой, а испод овечный»²⁹)

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Там же Л. 13.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 430. Л. 1–13.

на местном посадском человеке Куприяне Трофимове. На суде в Съезжей избе он рассказал воеводе Г.Х. Волкову, что ездил в прошлом году в Корочунский монастырь на церковную службу в честь праздника Владимирской Божьей Матери. Однако на дороге на него накинута «неведомо какие люди» и сняли «зипун белой сермяжной ветхой да кожан козлиной», а также забрали сорок алтын денег. Как выяснилось позже, промышляли разбоем жители одного из местных сел. Ограбленный Кучин вернулся в монастырь, где написал жалобу властям и известил монахов о случившемся, но никто разбираться с этим делом не стал. В итоге, при посредничестве воеводы, Куприян Трофимов, хотя и уверял, что купил эту шапку на рынке, согласился отдать ее Потапу Кучину (таковы были нормы Соборного Уложения).

Коллективный разбой приносил доход местному «миру», а как форма поведения он был надежным способом обогатиться. Поймать таких разбойников, грабивших ночью возле села, было очень сложно, а еще труднее — отыскать свидетелей. Изредка жители объединялись даже в большие банды, совершающие налеты на соседние села и деревни. Это особенно было характерно для черкас — выходцев с Украины, активно заселявших с середины XVII в. южные уезды³⁰. В 1667 г. они построили крепость Землянск, откуда принялись совершать набеги на соседнее село Ведугу, жители которого жаловались по этому поводу: «приезжают к нам в село воровским своим насильством и озор-

ничеством Землянска города жители с товарищи со многими людьми с камнем и со всяким огненным ружьем и саблями рубят и домишко наши все разорили и разграбили... хлеб наш жнут, и домой возят к себе»³¹.

Огромный размах принимали иногда конфликты между селами за сенные покосы. Например, в 1637 г., когда между Ливенским и Елецким уездами стал формироваться новый — Чернавский уезд, начались периодические столкновения чернавцев и ливенцев за поля, годные для покосов³². Когда чернавцы отправлялись в луга и дубравы косить сено, «ливенцы собирались многими людьми их били и грабили и сено косить им не давали»³³. Конфликты и разбирательства между чернавцами и ливенцами за луга продолжались несколько лет и сопровождалась ежегодными массовыми драками.

Похожая вражда наблюдалась между жителями Добровского и Козловского уездов, где споры за покосы и пастбища также регулярно перерастали в массовые драки. Взаимная ненависть и вражда между служилыми людьми двух крепостей была огромна, и каждая сторона всегда винила в своих бедах и проблемах соседа. Когда в 1651 г. добринский отставной драгун Григорий Житинев пас стадо лошадей, на него напали какие-то разбойники и угнали двух лошадей в сторону Козловского уезда. Недолго думая, местные служилые люди посчитали виновниками нападения козловцев. Они выбрали лучших и в «збратчину» отправились в Козловский уезд бить всех, кто попадется им

³⁰ Палков А.И. Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века. С. 24–36.

³¹ ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 116. Л. 1–2.

³² РГАДА. Ф. 210. Д. 275. Л. 247, 252.

³³ Там же.

по руку. На своего воеводу, который потом пытался наказать их за такое самоуправство, они написали обстоятельную жалобу, указывая, что тот мешает совершению справедливого возмездия³⁴. Прекратить эти коллективные столкновения у местных властей не было никакой возможности.

Преступления, совершаемые в интересах «мира», было очень трудно раскрыть, поскольку село или деревня объединялись в единый сплоченный коллектив, но в том случае если преступление было совершено на бытовой почве, случайно или в пьяной драке, сельский «мир» сам находило виновных и передавал их воеводе для суда. Так в 1640 г., на Пасху, двое жителей Воронежского уезда села Морозово обнаружили несколько тел убитых крестьян своей деревни³⁵. Жители вскоре сами нашли виновных и сообщили воеводе, что на дворе попа Ивана было шумное застолье, после которого крестьяне были убиты в пьяной драке сыном попа и его друзьями. Воронежский воевода распорядился «животы их переписав запечатать» и приказал «тутошным и окольным людям» взять подозреваемых на поруки.

Сельское общество выступало единым коллективом в случае конфликта с воеводой, когда приходилось отстаивать общие интересы³⁶. Рассмотрим показательное дело о конфликте воеводы Лебедяни Исаака Воронина с жителями села Избищи Лебедянского уезда в 1670–1671 гг.³⁷. Кон-

фликт начался после того, как помещики этого села присоединили к своим владениям лежащие рядом пустые земли. Сделано это было согласно всем правилам, с соответствующей записью в «отказных книгах». Тем не менее воевода почему-то посчитал себя обиженным. Вероятно, он надеялся на богатые подношения со стороны местного «мира».

Конфликт очень быстро перерос в открытое противостояние. В Избищах проживали более 35 семей мелких помещиков-однородцев, которые представляли собой довольно сплоченное сообщество, в случае необходимости способное объединиться и отстаивать интересы «мира». Воронин, между тем, если верить документам, чувствовал себя в Лебедяни очень уверено. Он собрал вокруг себя стрельцов, которым оказывал покровительство, а с остальными жителями не церемонился: брал взятки и собирал подношения. Воевода устраивал роскошные пиры, даже завел себе из местных жителей «чарачников» (видимо, товарищей по застолью), а также раздал стрельцам копыя и велел им постоянно находиться при собственной особе. По городу и уезду ездили «ушники» воеводы, докладывавшие ему о любом недовольстве.

18 декабря 1670 г. Исаак Воронин решил устроить показательный поход на Избища. С «чарачниками и ушниками», в сопровождении стрельцов с копиями, со знаменем и под бой литавр он въехал в село. Здесь воевода остановился в чьей-то избе и собрал себе хлеба и «денег на поминки» (подарки — *Д.Л.*). Люди из окружения воеводы отнимали продоволь-

ного краеведческого общества. Вып. 4. 2005. С. 142–145.

³⁴ Там же. Оп. 13. Д. 273. Л. 1180–1263.

³⁵ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 7. Л. 16–17.

³⁶ См.: *Глазьев В.Н.* Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

³⁷ Документы по истории города Лебедяни в XVII веке // Записки Липецкого област-

ствие, получив впоследствии у местных жителей эпитет «грацких разорителей». Наконец Исаак Воронин и его люди отравились смотреть поля жителей. Здесь воевода приказал измерить землю, что вызвало недоумение и протест помещиков. Они могли простить воеводе грабежи и взятки, «чарочников и ушников», но покушение на землю воспринималось ими как государственное преступление, нарушение интересов «мира». Воевода оказался как бы между «миром» и царем, ведь традиционно земли считалась собственностью московского государя, которую он жаловал своим «холопам»-помещикам за верную службу. Между тем, какой-то «ушник» воеводы назвался мерщиком и принялся проводить измерения сельской земли. И «нашу поместную паханую землю мерел, а твоего великого государя указа, почему он мерил, никакова не показал», — сетовали жители Избищ позже в своей челобитной³⁸.

Жители кинулись бить «чарочников и ушников» воеводы, а затем и стрельцов, но Воронин был готов к этому и умело организовал отпор, а потом повел своих людей в наступление. Он велел стрельцам колоть копьями активных «бунтовщиков», а других бить обухами. Завязалась потасовка, жители отбивались как могли, и тогда сам Воронин, схватив бердыш, принялся гоняться за жителями по полю: троих «бунтовщиков» ему удалось «поколоть», а остальные разбежались. Несколько человек связали и отвезли в Лебедянь, где с них было «вымучено» «по три рубля и больши». Воевода был очень доволен походом на Избищи и принялся в пятницу со своими людьми праздновать

«Николин день» (19 декабря). Пирующие веселились до вечера субботы, и Воронин так увлекся пиром, что сжег «государев воеводский двор», в котором жил.

Жители села Избищи немедленно написали царю обстоятельную челобитную, где описывали все происходящее (включая, конечно, и пир, приведший к уничтожению воеводского двора), особенно подчеркивая обстоятельство, связанное с обмером их земли без царского указа, не по нормам «отказных книг». Челобитчики просили поручить разбирательство в этом деле возглавлявшему Белгородский разряд (военно-административное ведомство, куда входили города-крепости Юга России) князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому.

Из Москвы ответили довольно быстро. В Разрядном приказе заинтересовались поведением Исаака Воронина, особенно удивил подьячих факт обмера земель без указа, что посчитали большим нарушением. Г.Г. Ромодановскому в специальном наказе было поручено во всем разобраться и устроить очную ставку. Тон этого наказа позволяет нам предположить, что лебедянского воеводу в Москве считали виновным. Скорее всего, действия «мира» выступившего против обмера земли, получили оправдание со стороны Москвы, коллективные действия жителей Избищ в этом случае принесли своей результат.

Итак, мы увидели некоторые особенности форм поведения сельского «мира» Юга России, которые во многом определяли структуру повседневной жизни местного населения. Общинное начало пронизывало формы социальной организации местного общества, сплачивало его в единый социум. Последний случай,

³⁸ Там же. С. 143.

произошедший в Лебедянском уезде, особенно показателен, здесь «мир» защищал не только свои интересы, но, как ему казалось, и интересы царя³⁹. Такие явления были весьма распространены и проявились очень ярко в народных волнениях середины XVII в.⁴⁰

Структура повседневной жизни представителей сельского общества на Юге России во многом определялась коллективными действиями в рамках общины⁴¹.

³⁹ См.: *Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths.*

⁴⁰ *Ляпин Д.А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. С. 140–142.*

⁴¹ Отмеченные нами поведенческие особенности наблюдались в сельском обществе и в

Конечно, это общинное начало носило вынужденный характер, и в сельской общине не стоит видеть некий братский союз, основанный на доверии и бескорыстной взаимопомощи. Сохранившиеся документы показывают, что сельский «мир» был прочно опутан ссорами и тяжбами, взаимными претензиями и обидами, здесь процветали воровство, драки и разбой. Однако, когда речь шла об общем деле, даже если оно носило преступный характер, люди объединялись в сплоченный коллектив, эффективно действовавший в интересах «мира».

XIX в.: *Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половине 70-х годов XIX в. Воронеж, 2002; Field D. Rebels in the Name of the Tsar.*

Библиография

Источники:

- ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 116.
- ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 7.
- РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Оп. 1. Д. 275.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 570.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 430.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 273.

Документы по истории города Лебедяни в XVII веке // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. 4. 2005.

Литература:

Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.

Глазьев В.Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

Глазьев В.Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // Исторические записки. Вып. 10. 2006.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х — первой половине 70-х годов XIX в. Воронеж, 2002.

Камараули Е.В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) // История: Факты и Символы. 2018. № 3 (16).

- Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России: период феодализма. М., 1977.
- Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. П.И. Прудовского ; науч. ред. А.Б. Каменский. М., 2016.
- Коршикова Е.А.* Сельская община XVII века в работах русских историков середины XIX века // *Filo Ariadne*. 2018. № 4. URL: filoariadne.esrae.ru/14-245 (дата обращения: 03.01.2019).
- Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб., 2009.
- Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // *Вопросы литературы*. 1977. № 3.
- Ляпин Д.А.* Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII в. // *Российская история*. 2015. № 5.
- Ляпин Д.А.* Расследование воеводой М.А. Вельяминовым дела о коллективном убийстве в 1638 г. // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2017. № 3 (69).
- Ляпин Д.А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб., 2018.
- Мауль В.Я.* Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVI–XVII веков. Томск, 2003.
- Мауль В.Я.* Русский бунт как актуальная проблема современной гуманитаристики: источники, методы и перспективы изучения // *История: факты и символы*. 2017. № 3.
- Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
- Папков А.И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века // *История: Факты и символы*. 2017. № 4 (13).
- Покровский Н.Н.* Мирская и монархическая традиции в истории русского крестьянства // *Новый мир*. 1989. № 9.
- Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986.
- Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры*. М., 1996.
- Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. М., 1967.
- Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.
- Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New York, 1969.
- Devies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. New York, 2004.
- Kivelson V.A.* The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // *The American Historical Review*. No 3. Vol. 98. 1993.
- Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. Stanford, 1996.
- Khodorkovsky M.* The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. No 42 (1). 1994.
- Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976.
- Flier M.* Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // *Flier M., Rowland D.* Medieval Russian Culture. Berkeley, 1994.
- Perry M.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge, 1995.
- Stevens Belkin C.* Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, 1995.

Сведения об авторе:

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, г. Елец (Россия). Область научных интересов: история повседневности, допетровская Русь, история русской культуры, освоение южной окраины России в XVII в.

E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

D.A. Lyapin

IN THE INTERESTS OF THE COMMUNITY: BEHAVIORS THE RURAL POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE XVII CENTURY

Annotation: In this article we will talk about some of the behaviours of the rural society in the South of Russia in the XVII century, We do not undertake to describe all the features of the behavioral patterns of the local population in one article and to give a comprehensive insight into the structure of everyday life in the rural communities of the XVII century, the

article aims to show examples of behavior of representatives of rural communities associated with community-based beginning, which helped them to overcome difficulties and realize their life values.

Keywords: South of Russia, rural population, forms of behavior, community, single-farmers

References

Sources:

GAVO [State Archive of the Vologda oblast]. F. 182. Op. 3. D. 116.

GAVO. F. I-182. Op. 4. D. 7.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 210. Belgorodskij stol. Op. 1. D. 275.

RGADA. F. 210. Op. 1. D. 570.

RGADA. F. 210. Op. 3. D. 430.

RGADA. F. 210. Op. 13. D. 273.

Dokumenty po istorii goroda Lebedjani v XVII veke [Documents on the history of the Lebedyan in the XVII century] // Zapiski Lipeckogo oblastnogo kraevedcheskogo obshhestva. no. 4. 2005. (In Russian).

Researches:

Vazhinskij V.M. Zemlevladienie i skladyvanie obshhiny odnodvorcev v XVII veke [Land tenure and folding of the community of single-palaces in the 17th century]. Voronezh, 1974. (In Russian).

Glaz'ev V.N. Vlast' i obshhestvo na Juge Rossii v XVII veke: protivodejstvie ugolovnoj prestupnosti [Power and Society in the South of Russia in the 17th Century: Counteraction to Criminal Crime]. Voronezh, 2001. (In Russian).

Glaz'ev V.N. Protivoborstvo v stepnom pogranich'e v 20–40-e gody XVII veka: russkie i tatory [The confrontation in the steppe borderlands in the 20s — 40s of the 17th century: Russians and Tatars] // Istoricheskie zapiski. no. 10. 2006. (In Russian).

Zagorovskij V.P. Belgorodskaja cherta [Belgorod line]. Voronezh, 1968. (In Russian).

Zagorovskij V.P. Istorija vhozhenija Central'nogo Chernozem'ja v sostav Rossijskogo gosudarstva v XVI veke [The history of the entry of the Central Chernozem Region into the Russian state in the 16th century]. Voronezh, 1991. (In Russian).

Zemcov L.I. Volostnoj sud v Rossii 60-h — pervoj polovine 70-h godov XIX v. [The Volost court in Russia of the 60s — the first half of the 70s of the XIX century] Voronezh, 2002. (In Russian).

Kamarauli E.V. Formirovanie poselencheskoi struktury v juzhnyh uezdah Rossii v pervoj polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda) [Formation of the settlement structure in the southern counties of Russia in the first half of the XVII century. (on the example of Voronezh district)] // Istorija: Fakty i Simvoly. 2018. no 3 (16). (In Russian).

Klibanov A.I. Narodnaja social'naja utopija v Rossii: period feodalizma [Popular social utopia in Russia: the period of feudalism.]. M., 1977. (In Russian).

Kollmann N.Sh. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni [Crime and punishment in Russia in the early New Age] / per. s angl. P.I. Prudovskogo ; nauch. red. A.B. Kamenskij. M., 2016. (In Russian).

Korshikova E.A. Sel'skaja obshhina XVII veka v rabotah russkih istorikov serediny XIX veka [Rural community of the XVII century in the works of Russian historians of the mid XIX century] // Filo Ariadne. 2018. no 4. URL: filoariadne.esrae.ru/14-245 (In Russian).

Kuc O.Ju. Donskoe kazachestvo v period ot vzjatija Azova do vystuplenija S. Razina [Don Cossacks in the period from the capture of Azov to the speech of S. Razin]. SPb., 2009. (In Russian).

Lihachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smeh v Drevnej Rusi [Laughter in ancient Russia]. L., 1984. (In Russian).

Lotman Ju.M., Uspenskij B.A. Novye aspekty izuchenija kul'tury Drevnej Rusi [New aspects of studying the culture of ancient Russia] // Voprosy literatury. 1977. № 3. (In Russian).

Ljapin D.A. Rassloenie provincial'nogo dvorjanstva v Rossii i social'no-politicheskaja bor'ba vo vtoroj polovine XVII v. [The stratification of the provincial nobility in Russia and the socio-political struggle in the second half of the XVII century] // Rossijskaja istorija. 2015. no 5. (In Russian).

Ljapin D.A. Rassledovanie voevodoj M.A. Vel'jaminovym dela o kollektivnom ubijstve v 1638 g. [Investigation by voivod M.A. Velyaminov case of collective murder in 1638] // Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki. 2017. no. 3 (69). (In Russian).

Ljapin D.A. Carskij mech: social'no-politicheskaja bor'ba v Rossii v seredine XVII v. [The king's sword: the socio-political struggle in Russia in the middle of the XVII century]. SPb., 2018. (In Russian).

Maul' V.Ja. Harizma i bunt: psihologicheskaja priroda narodnyh dvizenij v Rossii XVI–XVII vekov [Charisma and rebellion: the psychological nature of popular movements in Russia in the 16th — 17th centuries]. Tomsk, 2003. (In Russian).

Maul' V.Ja. Russkij bunt kak aktual'naja problema sovremennoj gumanitaristiki: istochniki, metody i perspektivy izuchenija [Russian revolt as an actual problem of modern humanities: sources, methods and perspectives of studying] // Istorija: fakty i simvoly. 2017. no 3. (In Russian).

Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the XVII century]. M.; L., 1948. (In Russian).

Papkov A.I. Bunt ili izmena? Vosstanija sluzhilyh cherkas na juche Rossii v 40-e gody XVII veka [Revolt or treason? Revolts of military servants in the south of Russia in the 40s of the XVII century] // Istorija: Fakty i simvoly. 2017. no. 4 (13). (In Russian).

Pokrovskij N.N. Mirskaja i monarhicheskaia tradicii v istorii russkogo krest'janstva [Worldly and monarchical traditions in the history of the Russian peasantry] // Novyj mir. 1989. no. 9. (In Russian).

Rumjanceva V.S. Narodnoe anticerkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII v. [Popular anti-church movement in Russia in the XVII century] M., 1986. (In Russian).

Uspenskij B.A. Car' i samozvanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen [Tsar and impostor: imposture in Russia as a cultural and historical phenomenon] // Uspenskij B.A. Izbrannye Trudy [Selected Works]. Vol. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. M., 1996. (In Russian).

Chistov K.V. Russkie narodnye social'no-utopicheskie legendy XVII–XVIII vv. [Russian folk social utopian legends of the XVII–XVIII centuries]. M., 1967. (In Russian).

Jakovlev A.I. Zasechnaja cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII v.: Oчерki iz istorii oborony juzhnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva [Zasechnaya feature of the Moscow state in the XVII century: Essays from the history of the defense of the southern outskirts of Moscow State]. M., 1916. (In Russian).

Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New York, 1969. (In Russian).

Devies L.B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. New York, 2004. (In English).

Kivelson V.A. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // The American Historical Review. No 3. Vol. 98. 1993. (In English).

Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. Stanford, 1996. (In English).

Khodorkovsky M. The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. No 42 (1). 1994. (In English).

Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. (In English).

Flier M. Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // Flier M., Rowland D. Medieval Russian Culture. Berkeley, 1994. (In English).

Perry M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge, 1995. (In English).

Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, 1995. (In English).

About the author:

Lyapin Denis A., Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage of Yelets State University, Yelets (Russia).

E-mail: lyapin-denis@yandex.ru